

Таким образом, обращение к образу отторгаемого, а также определение соотношения степеней отторжения по отношению к различным социальным феноменам создаёт дополнительные ракурсы исследовательского взгляда. Представленный здесь вариант анализа призван обнаружить механизм работы данного метода – автор этих строк ставил себе целью не приращение знания касательно конфессиональных вопросов в XVII в., а максимально прозрачную демонстрацию механики исследования «через отторгаемое». Использование негативной «картинки» эпохи, а также понимание многоуровневости отторжения оказывается продуктивно в философско-правовых разработках.

Литература

1. Declaration of Indulgence of King James II, April 4, 1687 // English Historical Documents, 1660–1714 / Ed. by A. Browning. — London, 1953. — P. 399–400.
2. Declaration of Indulgence of King James II, April 27, 1688 // English Historical Documents, 1660–1714 / Ed. by A. Browning. — London, 1953. — P. 400.
3. Scottish Declaration of Toleration, February 12, 1687 // www.jacobite.ca.
4. Toleration Act, 1689 // English Historical Documents, 1660–1714 / Ed. by A. Browning. — London, 1953. — P. 400–403.

УДК 340.11:165.12

Н. Б. Капустина

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ (ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ)

Правосознание дает возможность личности на основе правовых чувств и установок выражать свое отношение к действующему праву. Правосознание формируется в обществе в процессе правовой социализации, когда индивид усваивает определенные знания, нормы, ценности, которые позволяют ему функционировать как полноценному члену общества. Состояние общества на том или ином этапе своего развития влияет на правосознание индивида. Если в обществе право признается важнейшей социальной ценностью, то и у личности больше возможности сформировать ценностное отношение к праву, если же в обществе преобладают скептические и нигилистические настроения то и у личности вырабатывается противоречивое отношение к праву, что часто приводит к кризису правосознания. В научной литературе советского периода категория правосознания оказалась опосредованной экономическим базисом и носила явно классовую окраску. На современном этапе развития науки, несмотря на явный прогресс в изучении этого явления, феномен правосознания также трактуют несколько однобоко, что связано с повышением интереса к проблематике правового государства и прав человека. Конец XX столетия ознаменовался крушением многих рационалистических мифов о человеке, обществе, праве и государстве.

Говоря сегодня о кризисе правосознания, не возможно не обратиться к разработкам известных русских ученых-правоведов, таких как П. И. Новгородцев, И. А. Ильин, Л. И. Петражицкий, С. Л. Франк, так как их представления остаются актуальными для изучения правового сознания и в настоящее время.

Так, по мнению П. И. Новгородцева, правосознание охватывает оценочные убеждения и установки ко всей системе политических и правовых отношений (идея правового государства и гражданского общества, принципы равенства и свободы, понятие личности), изменения которых свидетельствуют о кризисе правосознания. Последний связан с кризисом идеи правового государства, с тем, что изначально преувеличивалась его роль и значение. Автор считает, что для одних этот опыт служит поводом к отрицанию всякого значения права, для других он является свидетельством необходимости восполнить и подкрепить право новыми началами, расширить его содержание, поставить его в уровень с веком, требующим разрешения великих проблем. Новгородцев уверен, что кризис правосознания есть также следствие отставания положительных законов от движения истории и ее требований. «Вследствие этого в жизни постоянно и неизбежно возникают конфликты между старым порядком и новыми прогрессивными стремлениями. В самом течении исторической жизни мы открываем зародыш новых отношений, а вместе с тем и основания для построения идеального права» [1, 265].

Если Новгородцев трактует кризис правосознания в теоретико-правовом, концептуальном смысле, то И. А. Ильин говорит о дефектности правосознания с точки зрения его практического воплощения в жизни. По его мнению, уродливое, извращенное правосознание остается правосознанием, но извращает свое содержание; оно обращается к идее права, но берет от нее лишь схему; пользуется ею по-своему, злоупотребляет ею и наполняет ее недостойным, извращенным содержанием; возникает неправовое право, которое, однако, именуется «правом» и выдается за право. В истории человечества, пишет он, периодически бывает так, что дефекты и недуги правосознания подтачивают и расшатывают его верный строй и силу; а расшатанное правосознание само ускоряет наступление острых испытаний, которых оно не в состоянии выдержать. Автор отмечает, что правосознание отрывается от метафизического идеала — от духовной, сверхклассовой природы государства и от духовно-сверхнациональных горизонтов права и разлагается от жадности, страха, злобы, мести и отчаяния [2, 156].

Кризис правосознания, на его взгляд, в первую очередь связан с различием между естественным и положительным правосознанием. «При всех случаях расхождения положительное право есть суррогат естественного, и если это расхождение обостряется до конфликта, то положительное право может предстать сознанию в роли «ложного» права, лжеправа... Наступает более или менее глубокий кризис правосознания» [2, 156].

Каковы бы ни были причины деформации правосознания, они находят свое отражение и в современном обществе. Говоря о кризисе современного правосознания, условно можно выделить несколько этапов в этом процессе.

Условно можно выделить следующие этапы кризиса:

- 1) этап господства тоталитарного правосознания в СССР;
- 2) этап правосознания переходного периода.

Наша задача заключается в том, чтобы проанализировать эти два этапа кризиса, выявить его основания и предложить пути преодоления.

Первый этап кризиса связан с тем, что в период тоталитаризма государство развило патерналистски-инфантильный тип сознания. Население было фактически исключено из общественно-политической жизни. Это способствовало тому, что сформировался особый тип личности — социалистический человек, к которому предъявлялись требования покорности и следования заветам партии.

Деформация правосознания начинается именно с того момента, когда в сознании людей закладывается привычка мириться с существующей несправедливостью. В такой ситуации бытует миф о «всеобщем уважении к праву», а уровень правосознания граждан определяется близостью (или отдаленностью) их правовой психологии к постулатам правовой идеологии. Это способствовало тому, что многие десятилетия под правовой идеологией нами понимались классовые оценки и идеи о праве и государстве, которые сводились к теоретическому обоснованию необходимости насилия над личностью.

Такой подход не редко определял суть основных законов советского государства. Анализ некоторых важнейших положений советских законов свидетельствует прежде всего об их авторитарном характере, связанном с наличием запретов и ограничений многих естественных прав человека. Конечно, в таких условиях никакой речи о реальных правах и свободах быть не могло, законы все более усиливали зависимость личности от государства. Роль права всячески умалялась, принижалась, в нем не видели социальной и культурной ценности. Право скорее терпели как украшение, формальный атрибут, в то же время из права максимально выжимали его карательные возможности. Даже в правовой теории приоритет был отдан позитивистским концепциям, пониманию права как этактистско-нормативной структуры. Согласно этактистским концепциям государство и общество не различаются, причем при тоталитаризме государство не только доминирует над обществом, но и жестоко подавляет его. Этактистское правопонимание приводит к отождествлению прав и обязанностей: право на труд, к примеру, сливается с принудительной (вплоть до тюрьмы за отказ) обязанностью трудиться.

Так, в самом определении социалистического права, принятом в 1938 г., мы находим то, что право, в сущности, призвано было обеспечивать противоправную деятельность многих звеньев бюрократического аппарата. Нередко «буква» закона противопоставлялась его «духу».

Внутренняя жизнь личности и тем более ее правовые оценки, эмоции, иллюзии с точки зрения господствующего правопонимания и насаждаемого всеобщего законопослушания представлялись чем-то второстепенным и малозначимым. В этой ситуации у индивида возникает недоверие к действующей власти, так как в действиях власти нет уважения к своим гражданам. А как известно, взаимное уважение народа и власти есть необходимая основа госу-

дарственного бытия. В таких условиях происходит действительная деградация и разрушение правового сознания, его кризис.

Еще А. И. Ильин, исследуя правосознание, обращал внимание на то, что отношения между властью и народом должны основываться на взаимном уважении и доверии. Следовательно, в основе всякого правопорядка и государства лежит взаимное духовное признание людей — уважение и доверие их друг к другу [3]. «Индивидуум, не способный к уважению, извращает все свои правоотношения. Не уважая себя, он утрачивает духовное измерение для своих поступков. Политический режим является больным, если он основан на взаимном неуважении власти и народа. Отсюда полицейское государство и тоталитарное государство, страх, террор... Гражданин, не уважающий свою власть, имеет больное правосознание и разрушает свое государство. Народ, теряющий уважение к своей власти, терпит глубокое душевное бедствие. Взаимное недоверие есть сила, разрушающая правопорядок и государство. В свою очередь государство не может существовать, если оно превращается в систему взаимного недоверия и подозрения. Истинной основой власти является духовное уважение и доверие народа к правительству и правительства к народу. Каждая из сторон должна признать своим правосознанием правосознание другой стороны и тем самым слиться с нею в некое волевое единство» [2, 156].

Ситуация, которая сложилась в период господства тоталитаризма, привела, как мы знаем, к полному тотальному недоверию двух сторон, а затем и к крушению государства.

В результате этого мы получили ряд самостоятельных независимых государств, в том числе и Украину, которые унаследовали антиправовые установки и стереотипы. В новообразовавшейся стране возникает социальная напряженность, экономические неурядицы, распад некоего единого жизненного пространства, дезинтеграция, морально-психологическая неустойчивость общества. Правовая и общая культура личности находится в полной запущенности. В этот период в сознании многих людей смешались такие понятия, как «добро» и «зло», «правомерное» и «неправомерное», «законное» и «незаконное», «справедливость» и «несправедливость»; обесценены такие понятия, как «милосердие», «порядочность».

Все это способствует тому, что сознание населения охвачено массовыми нигилистическими настроениями, народ не верит в справедливость законов, испытывает неуважение к праву и не редко пренебрегает им.

Изначально понятие нигилизма получило свое развитие в трудах немецких философов, в частности у Ницше. Ницше утверждал, что нигилизм возникает там, где жизнь обесценивается, где потеряна цель и нет ответа на вопрос о смысле жизни. Нигилизм — это явление, связанное с переоценкой ценностей, именно тех ценностей, которые только и наполняют смыслом действия и стремления людей [4]. Отношение Ницше к нигилизму двояко и противоречиво. С одной стороны, он его ярый сторонник, с другой стороны, он считает, что нигилизм не является чем-то абсолютным и значимым, а это следствие ненормального развития общества и его духовной культуры.

Русский философ Франк понимает под нигилизмом отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей, достижение цели неправовыми средствами. Нигилизм в русском сознании, по Франку, проявляется в безграничном морализме русской души, в которой нет места теоретическим, эстетическим, религиозным ценностям. Этот нигилизм обладает безграничной властью над сознанием. Причину этого автор видит «не только в одном лишь установлении нравственной обязанности служения народному благу», но и связывает «с мечтой или верой, что цель нравственных усилий — счастье народа — может быть осуществлена... в абсолютной форме» [5, 173–177].

Следует согласиться с философами в том, что такое явление, как нигилизм, имеет двоякое значение, он носит как негативный характер, так и позитивный. Негативный характер как раз связан с кризисом правосознания, а позитивный заключается в том, что он предоставляет возможность на новом витке исторического развития пересмотреть, переоценить все предыдущие ошибки и выйти на новый уровень понимания и принятия именно тех ценностей, которые только и наполняют смыслом жизнь, правовую жизнь людей.

Нередко наряду с правовым нигилизмом возникает правовой идеализм. Оба эти явления имеют одинаковые корни — правовое невежество, неразвитое и деформированное правосознание, дефицит политико-правовой культуры. Эти два явления как бы две стороны одной медали. Как показывает практика, в переходный период принимается значительное число законов за короткий период времени, что порождает порой не только отсутствие качества, но и отсутствие механизма их действия. Законы не работают, значит, и отношение к ним более чем прохладное, их престиж падает вместе с престижем власти.

Существуют различные мнения о причинах этого явления в современном обществе: незрелость нашего общества; тенденция к коммерциализации законодательства и перевод законодательной защиты прав человека на второй план; эрозия власти, ее неспособность предотвратить разрушительные процессы в обществе.

Все это, в конечном счете, приводит к тому, что в правосознании возникает некий вакуум, который необходимо чем-то заполнить. И есть две возможности заполнения этого вакуума: с одной стороны, такой вакуум в сознании людей может быть заполнен духовно-нравственными и религиозными ценностями, а с другой — криминальными и уголовными явлениями.

Выход из кризиса автором видится в переосмыслении прошлого негативно-го опыта и анализе сегодняшней ситуации. Сказать, что сейчас сложное время, — почти ничего не сказать. Возможно, сейчас мы стоим на пороге процесса смены мировоззренческой парадигмы, лежащей в основе всей современной культуры и самого образа жизни, и являемся непосредственными его участниками. И нам как участникам необходимо не только созерцать, оставаясь сторонними наблюдателями, но и действовать.

Наши действия должны быть направлены на:

– осознание личностью своей значимости и ценности как носителя естественных прав;

- развитие у личности духовности, принципов моральности и гуманистических ценностей;
- формирование у личности сознательного и ценностного восприятия права и правовых норм и следование им в повседневной жизни;
- накопление и передачу последующим поколениям позитивного отношения и уважение к праву и правовым нормам.

Литература

1. Повгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. — М., 1909.
2. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений. — М., 1994. — Т. 4.
3. Шпак В. Ю., Максим В. В., Паршина А. А. Анализ аксиом политики, власти и правосознания (на основе работ И. А. Ильина) // Философия права. — 2000. — № 2.
4. Реале Д., Антисери Д. Пипше. Верность земному и переоценка ценностей // Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. — С.Пб., 1997. — Т. 4: От романтизма до наших дней.
5. Франк С. Л. Этика пифагорейцев // Вехи. Из глубины. — М., 1991. — С. 173–177.

УДК 352.073.1(477)

В. Р. Барський

МУНІЦИПАЛЬНА НОРМОТВОРЧІСТЬ ЯК ВИРАЗ ІНТЕРЕСІВ ГРОМАДСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

На сучасному етапі розвитку України місцеве самоврядування являє важливий чинник формування громадянського суспільства. Місцеве самоврядування як одна з форм самоорганізації сучасного суспільства є інструментом гармонічного поєднання публічних та індивідуальних інтересів. Зростаючий вплив місцевого самоврядування на життєдіяльність суспільства вимагає всебічного дослідження як нових муніципально-правових інститутів, так і тих, що існували раніше і в сучасних умовах набули нового змісту. До них належить і муніципальна нормотворчість.

Для дослідження муніципальної нормотворчості першорядним є встановлення природи місцевого самоврядування, оскільки це дозволяє визначити його функціональне призначення та форми його реалізації.

Найбільш значну роль у встановленні природи місцевого самоврядування відіграють концептуальні підходи щодо визначення його місця в структурі публічної влади. Думки вчених відносно цього умовно можна поділити на три групи: до першої належать твердження про те, що місцеве самоврядування — це екстраполяція державної влади на місцевий рівень [1, 24; 2, 85]; до другої — що місцеве самоврядування — це сполучення державного та суспільного начал [3, 18]; до третьої — що місцеве самоврядування — це відносно самостійний від державної влади різновид публічної влади (публічно-самоврядна влада) [4, 84; 5, 61; 6, 375].